

один рассеивает ночь мирской глупости, Он, сияние Отчей славы, по свидетельству Павла, возродив нас в себе, стал для нас искуплением, оправданием и мудростью. Павел сказал: "Мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, для язычников – безумие; для самих же и призванных иудеев и греков – Христа, Божью силу и Божью премудрость". По Его примеру и мы сможем одержать победу над вражеской злобой, если только станем мудрее из-за Того, в Ком будет наша победа. Согласись с этим, презрев мудрость мира сего, которая под наилживейшим именем нахваливает себя глупцам, ведь, по словам Павла, у Бога нет большей глупости, чем земная мудрость, которую должен забыть тот, кто действительно желает быть мудрым. Он говорит: "Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, пусть станет глупым, чтобы оказаться мудрым". Ведь мудрость этого мира – это глупость у Бога. И немного выше: "Ибо написано там: "Погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну". Где мудрец? Где книжник? Где совопросник мира сего? Не сделал ли Бог мудрость мира сего глупостью?"

Не сомневаюсь, что уже теперь тебе ненавистны эти глупые мудрецы и слепые поводыри слепых, кричащие, что ты сбился, обезумел, стал безрассудным, так как склоняешься к Христу. Они всего лишь называются христианами, в остальном же насмешники и противники учения Христового. Смотри, как бы не подействовала на тебя их болтовня! Их несчастная слепота скорее достойна оплакивания, чем подражания. Что это за превратный вид мудрости – понимать в делах ничтожных, быть ловким и хитрым лишь в позоре, а в том, что единственно только относится к нашему спасению, разуметь не более скотины? Павел хочет, чтобы мы были мудрыми, на добро же, назло простаками. Они знают, как поступать несправедливо, а творить добро не умеют. И если один велеречивый греческий поэт писал:

Кто же не смыслит и сам ничего и чужого совета

К сердцу не хочет примять – совсем человек бесполезный,

не расположить ли, наконец, в этом ряду тех, которые сами глупы наипозорнейшим образом, однако же не перестают приводить в смятение, высмеивать, запугивать тех, которые уже образумились? Разве не осмеют насмешника? "Живущий на небесах посмеется над ними, и Господь станет глумиться над ними". Ты читаешь в Книге Премудрости: "Они увидят и унижат его, но Господь посмеется над ними". Смеяться над нечестивыми почти похвально, но, конечно, достославно стать ревнителями Главы нашего и апостолов. И конечно, следует бояться быть осмеянным Богом. "Я тоже, говорит премудрость, – посмеюсь над вашей погибелью и порадуюсь, когда придет тот, кого вы боялись". Разумеется, поздно уже скажут пробудившиеся: "Это те, которые были у нас в осмеянии и в притче поругания". Мы, безумные, полагали их жизнь безумной и конец бесчестным. "Мудрость эта животная, как говорит Иаков, – бесовская", враждебная Богу. Конец ее – погибель, потому, что за ней по пятам всегда следует смертоносная гордыня; за гордыней – слепота души, за слепотой – тирания страстей, за тиранией страстей – общая жатва пороков и разнузданность любого прегрешения. За этой разнузданностью следует привычка, за привычкой – наинесчастнейшее оцепенение души, которое приводит к тому, что люди лишаются понимания зла. Оцепеневших охватывает смерть тела, за которой наступает вторая смерть. Ты видишь, что мирская мудрость – мать величайшего зла.

О Христовой же мудрости, которую мир сей считает глупостью, ты читаешь: "Одновременно с нею пришли ко мне все блага и через ее руки неисчислимы богатства. Я радовался всему, потому что предваряла их эта мудрость, и я не знал, что она – мать всех благ". Ведь ее сопровождают скромность и кротость. Кротость дает нам способность воспринять божественный дух. Ведь любит покоиться на смиренном и кротком Тот, Кто одновременно наполняет наше сердце семеричной благодатью; только после этого пустит ростки тот счастливый посев всех добродетелей с блаженными плодами, из которых главный – радость внутренняя, радость тайная, радость, известная только тем, кого она коснулась. Она не исчезнет в конце и не пропадет вместе с мирскими радостями, а соединится в радость вечную. Ее, брат мой, по наставлению Иакова следует просить у Бога пылкими молитвами и по совету одного мудреца стараться добывать как сокровище из вен Священного Писания.

Считай, что начало этой мудрости в познании самого себя. Древность верила, что это изречение появилось с неба, великим учителям оно до такой степени нравилось, что они думали, будто в нем кратко выражена вся сила мудрости. Но это изречение не имело бы для нас веса, если бы оно не сходилось с нашим Писанием. Тот тайный возлюбленный в Песни грозит своей невесте и велит, чтобы она ушла, если она сама себя не знает: "Если ты не знаешь себя, о прекраснейшая из